

ОТЗЫВ

официального оппонента, доктора философских наук, профессора Некиты

Андрея Григорьевича

на диссертацию Попова Дмитрия Владимировича

«Управление жизнью: философско-антропологические основания, потенциал и перспективы биополитики», представленной на соискание ученой степени

доктора философских наук по специальности

5.7.8 – Философская антропология, философия культуры.

Институциональная тотальность политики в пространстве современной цивилизации становится неременным условием поиска наиболее эффективных инструментов социальной консолидации и управления все более усложняющимися процессами социального взаимодействия огромных масс людей по всей планете. Как оказалось, максимально продуктивными из всех исторически складывавшихся форм социально-политической коммуникации стали нарастающие актуализация и непрерывное педалирование комплекса биотических сверхценностей в системе социального управления.

Поэтому появление биополитики становится абсолютно закономерным этапом в формировании государственной власти. В то же время, налицо значительное отставание научной и особенно философской рефлексии по поводу подобных социально-политических практик. Она, несомненно, позволила бы не только адекватно проанализировать исторически существовавшие биополитические стратегии и тактики, но и успешно прогнозировать и моделировать дальнейшее развитие человеческой цивилизации, бессознательно редуцировавшей сложность и многообразие проявлений культуры к набору сценариев биотических манипуляций индивидуальными и коллективными социальными телами. Именно поэтому **актуальность** комплексного и междисциплинарного исследования Попова Д. В. не вызывает сомнений.

Целью диссертационного исследования является осмысление комплекса социокультурных практик конструирования тела человека, как усиливающих его жизнеспособность, так и неуклонно снижающих его витальный потенциал. В силу

этого, в поле объекта исследования закономерно попадает человек с его жизненными проявлениями в разнообразных контекстах властных моделей, в то время как предмет исследования связывается с рассмотрением различных сценариев биополитического управления жизнью человека. В соответствии с этим Попов Д. В. формулирует шесть основных исследовательских задач, которые, на наш взгляд, выглядят весьма громоздко и несколько затрудняют понимание его исследовательской стратегии.

Степень обоснованности научных положений и выводов представляется достаточно аргументированной и не вызывает сомнений. Диссертационная работа состоит из введения, четырех глав, включающих в себя пятнадцать параграфов, заключения и списка литературы, представленного 293 позициями на русском и иностранных языках, а также 51 публикацией автора по теме диссертационного исследования. Отметим, что наличие такого широкого спектра источников также подтверждает обоснованность полученных результатов.

Достоверность и новизна научных положений. Первая глава «Жизнь как объект управления» посвящена выявлению исторически сложившихся типов отношения человека к телу, которые последовательно закрепляются как в повседневных социальных практиках, так и в моделях биополитического управления обществом. Телесность, опирающаяся на инстинкты, биотические потребности и осознанную активность индивида, становится отправной точкой в осмыслении биополитических стратегий власти.

Автор аргументированно утверждает, что отношение человека к своему телу исторически формировалось на протяжении трех основных этапов: *биохристи* (основанной на эксплуатации природных возможностей организма – с. 20 автореферата); *биоанисихии* (связанной с формированием культуры заботы о теле и о жизни – с. 20 автореферата); *биоургии* (базирующейся на экономике жизненных ресурсов, опирающейся на научно-технические, рационально-бюрократические и социально-экономические практики управления обществом и населением – с. 100 диссертации).

Попов Д. В. обоснованно заключает, что значительная часть человеческой истории базируется именно на возможности биополитического использования телесных ресурсов человека. Тогда как формирование зрелой цивилизации с

соответствующей ее институциональной инфраструктурой неминуемо приводит к трансформации отношений человека и общества к телу, окончательно превращая его в полноценный ресурс биовласти, что трансформирует управление жизнью человека и общества в стратегическую биотехнологию.

В связи с выявленной тенденцией в диссертации закономерно появляется анализ евгеники как биополитической технологии улучшения природы человека. Подобные социально-политические практики, в конечном итоге, всегда приводят к переходу цивилизации к биоургии, концентрирующейся на намеренном вмешательстве власти в природу человеческого тела в соответствии с ее идеологическими, технологическими и иными целями. Выявленные диссертантом два вектора развития биоургии – положительный и отрицательный (с. 68 диссертации) – позволяют очертить спектр возможных рисков, которые появляются перед биополитической властью в связи с ее целенаправленным вмешательством в природные процессы наследственности и изменчивости.

Вторая глава «Биополитическое распоряжение жизнью» посвящена изучению основных параметров биовласти и ее инструментария. Диссертант справедливо отмечает, что целенаправленные властные практики по регулированию жизни в Европе начинаются с XVIII века, в то время как отдельные элементы биополитической регуляции фиксировались и задолго до этого, а потому могут быть выявлены еще в эпоху Древней Греции и Древнего Рима, в Средневековье и Возрождении. Попов Д. В. очерчивает основные параметры биовласти и обнаруживает, что основным предметом реализации властных практик является именно население, как закономерный результат конструирования совокупности подданных «с использованием экономических, военно-политических, идеологических и культурных инструментов» (с. 111 диссертации).

К тому же неуклонно нарастающее использование биовластью процедур дисциплинаризации, медикализации, нормирования, индоктринации, иммунизации позволяет ей лишь совершенствовать биополитические технологии управления, реализуемые на стыке научно-рационального осмысления жизни, технико-технологического вмешательства в нее, а также неуклонно усиливающихся процессов бюрократической регламентации и контроля за отправлением естественных потребностей. В то же время, биовласть, по мнению диссертанта,

активно демонстрирует двойственное отношение к населению, чем закономерно порождает, а затем и институционально утверждает утилитарный подход к жизни и смерти. Диссертант выделяет позитивную и деструктивную позиции в практике власти. Первая – *конфирмантропная* – опирается на человекосберегающие технологии, а человек в ней рассматривается как особо ценный социальный ресурс (с.24 автореферата). Вторая – именуется *негантропной* и предполагает широкомасштабное использование биовластью аппарата принуждения, что в итоге порождает некрополитику, специализирующуюся на производстве социальной смерти (с.24 автореферата).

Третья глава «Биовласть и население: противоречивое единство» посвящена анализу биополитических механизмов *инклюзии* и *эксклюзии* в социальное тело, которые, в свою очередь, приводят к разворачиванию *конфирмантропной*, либо *негантропной* биополитических стратегий (с.271 диссертации). Разрушение биовластью межличностных отношений и насильственное придание им институционального статуса становится причиной производства отверженных индивидов и определяет топологию их *исключения* в пространстве плантации, тюрьмы, казармы, тотального государства и рынка. Подобная негантропная политика повсеместно опирается на торг и шантаж как естественные формы бытия биовласти, тогда как война выступает логическим завершением ее телеологии. Трудно не согласиться с мыслью Попова Д. В. о том, что именно «диалектика непрерывного государственного переворота, являющегося реакцией на непрерывный мятеж, определяет характер латентной гражданской войны, составляющей матрицу отношений биовласти и населения» (с.273 диссертации). Таким образом, следует безусловно согласиться с диссертантом относительно того, что целенаправленное разрушение установки биовласти на интерпретацию населения в качестве ее особо важного ресурса, является причиной вырождения биополитики в танатополитику.

Четвертая глава диссертации «Трансформантропная биополитика как будущее биовласти» ориентирована диссертантом на анализ перспектив развития биовласти, опирающейся на союз знания, науки, научно-технического прогресса. Попов Д. В. определяет трансформантропную биополитику как такую форму ее развития, «в основе которой лежит высокий уровень развития науки, техники и

технологии, обладающий мощным и актуальным потенциалом изменения человека вплоть до изменения его физической и ментальной природы» (с. 352 диссертации). Именно это, по справедливому убеждению диссертанта, обуславливает доминирование устойчивого познавательного интереса власти к населению, ярким символом которого и является Паноптикон.

Безусловная доминанта технологий приводит к трансформации Паноптикона в Цифровой паноптикон и устанавливает нерасторжимую связь между человеком и машиной. Это накладывает отпечаток на всю систему социальной жизни, а наличие цифровых методов контроля обуславливает высочайшую меру эффективности подобного надзора, а также создает условия «для формирования машиночитаемой и потенциально человеконесоразмерной цивилизации» (с.353 диссертации).

Попов Д. В. справедливо указывает, что разрушение в рамках биополитики идеи ценности населения закономерно приводит к усилению властного прессинга населения, которое лишь бессознательно стремится к бесконечному росту благосостояния, при этом, не производя ничего ценного. Подобные тенденции могут позволить биовласти рассматривать биополитику как ведущий инструмент конструирования человечества, попутно активно создавая соответствующую идеологическую надстройку в виде биотехнологий: биотеологии, биоправа, биокапитализма и т.д.

Особый интерес представляют четыре возможных сценария реализации трансформантропной биополитики, предлагаемые диссертантом: «*Homo Animalis* (человек-животное), *Homo Formica* (человек-насекомое, человек-муравей), *Homo Deus* (человек-творец), *Homo Daemon* (демонический человек)» (с.328 диссертации). Так в новых цифровых условиях ускоренными темпами реставрируется биополитическая в своей основе идея Сверхчеловека, с соответствующими ей расистскими и шовинистическими интерпретациями. Сформулированные же диссертантом габитусы биовласти, позволяют создать эффективную социальную субординацию, которая, в то же время, вызывает сомнение в возможности сохранения креативного потенциала населения и в наличии эффективной обратной связи. Попов Д. В. утверждает, что «экономика желания – это драйвер биополитики» (с.32 автореферата). В рамках такого

подхода потенциал человека и человечества может расцениваться биовластью исключительно утилитарно.

Представленная в подобной авторской логике диссертационная работа, безусловно, обладает **новизной** и представляет собой особо ценное обобщение в области современной биополитики и ее ключевых трендов.

Теоретическая значимость работы состоит в формировании нового концептуального подхода к анализу философско-антропологических проблем коммуникации власти и населения в рамках реализации конфирмантропного, либо же негантропного биополитических сценариев и выработки на этом основании наиболее эффективной методологической стратегии исследования биополитики.

Практическая значимость работы определяется наличием авторской методологической стратегии исследования, которая может быть использована для определения ключевых рисков в развитии социальных систем и разработке экспертных рекомендаций, позволяющих оптимизировать систему государственного управления во всех ее институциональных формах и на всех уровнях.

Личный вклад соискателя в разработку научной проблемы. Попов Д. В. провел разносторонний философско-антропологический анализ предмета исследования, продемонстрировав высокий уровень интеллектуальной культуры, блестящее знание корпуса литературы по проблеме диссертационного исследования и смелый методологический подход в интерпретации комплекса биополитических стратегий власти. Положения, выносимые на защиту, существенно углубляют современные обществоведческие и гуманитарные представления о природе и характере эволюции власти.

В то же время, текст вызывает целый ряд дискуссионных вопросов и замечаний, требующих дополнительных комментариев и пояснений со стороны диссертанта.

1. Рассуждая о переходе общества от модели биоанисихии к биоургии, как форм отношения человека к жизни, Попов Д. В. обходит стороной такой значимый феномен в развитии европейского и мирового социогуманитарного знания, как социал-дарвинизм, который, на наш взгляд, выступает весомым,этапным достижением в области понимания сущности

биополитики и трансформации ее исторических типов. Мы считаем, что это тем более нужно было сделать в обязательном порядке, поскольку диссертантом развернуто анализируются практики евгеники, столь увлекшие умы представителей политической элиты по всей планете.

2. На протяжении всего текста работы диссертант умышленно делает акцент на анализе биотических стратегий и практик манипуляции власти с телом человека. В то же время необходимо было бы более рельефно очертить, какую именно роль в рамках такого подхода выполняет социокультурная среда, которая, как известно, оказывает не менее заметное воздействие на изменение тела человека и самой телесности как феноменов культуры, особенно в контексте рассмотрении стратегий трансформации тела, его биотических наклонностей и наследственных программ.
3. Поскольку категория дисциплинарности является одной из ключевых для анализируемой диссертации, а сам текст представляет собой ретроспективный взгляд на зарождение и эволюцию биополитики, было бы уместным и определение исторической специфики дисциплинарных типов властвования, выделение их отличительных признаков, а также анализ особенностей их институциональной коммуникации и динамики. Тем более, что автором в тексте работы подробно и последовательно анализируются такие исторические типы отношения человека к своему телу как: биохрися, биоанисихия и биоургия.
4. Диссертант, анализируя феномены некрополитики и танатополитики, не в полной мере устанавливает сущность этих явлений, что вносит определённую двусмысленность в текст, нуждающуюся в дополнительной квалификации и пояснениях, относительно того, являются ли они историческими формами политики (биополитики), или же представляют самостоятельные и закономерные этапы развития власти, политических и социокультурных смыслов ее бытия. Возможно, они лишь презентуют те или иные формы либо способы самоидентификации власти, которую в предшествующие исторические периоды в той или мере сдерживали различные институциональные факторы. Например, такие, как традиция, мораль, искусство, религия, наука. С другой стороны, если биополитика

производит лишь смерть, то почему длительность жизни населения на протяжении развития цивилизации неуклонно возрастает, хотя, в то же время, масштабы войн и катастроф, а также промышленного прессинга на биосферу планеты демонстрируют стойкую тенденцию к увеличению.

5. Следующее замечание касается того положения, которое автор приводит на странице 172 диссертационного исследования, утверждая следующее: «Сбалансированные социальные отношения порождают онтологически защищенную личность». А немного ниже мы читаем и такой тезис: «Характеризующееся онтологической незащищенностью мироотношение влечет утрату меры между отнесенностью и отделенностью Я и Другого, что порождает тяготение индивидуума к крайним полюсам изоляции и слияния (с.173). По логике Попова Д. В. существует некая онтологическая поляризация между индивидами, одни из которых находятся под защитой бытия, а другие оказываются лишенными такой защиты. Получается, что социальное разделение индивидов обусловлено принципами онтологии, в которых и зафиксирован их принципиально разный статус. Подобное противоречие не должно возникать в рассуждениях по поводу изучения сущности жизни, которая всегда допускает многообразие и многовариантность сценариев собственного развития. Мы бы позволили себе поправить соискателя, специально подчеркнув, что различный статус индивидов обуславливается их осознанным или же неосознанным выбором следовать ли биотическим потребностям (что делает их онтологическими существами), либо отказаться от их удовлетворения и, таким образом, деонтологизировать себя. Вторая стратегия, скорее всего, обуславливается доминирующими над индивидами социальными (институциональными) практиками. Это и объясняет, в конечном итоге, появление различных стратегий некрополитики.
6. Следующее замечание касается того, что на странице 311 текста диссертационной работы Попов Д. В. утверждает, что национальное государство эволюционирует от стадии «кочующего бандита» к статусу «стационарного бандита». Подобная мысль формирует у читателя ожидание интерпретации сущности социального и цивилизационного взаимодействия

в рамках ключевой для формирования общественного договора триады биополитики «преступность – биовласть – население». Особенно значимыми подобные рассуждения могли бы оказаться для понимания сущности исторически преходящих моделей биовласти, но мы их в тексте диссертационного исследования, к сожалению, не обнаруживаем, что требует соответствующих комментариев.

7. Производя рефлексию над стратегиями управления жизнью, диссертант невольно оказывается в плену исключительно биополитического подхода к анализу социальной эволюции. В то время как эволюция жизни и прогресс культуры выражаются в формировании все более сложных индивидуализированных сообществ, которые функционируют в зависимости от конституции нервной системы. Однако, говоря о биополитике, складывается ощущение, что индивид каким-то образом «улетучился» из пространства культуры. Не выпускает ли в этом случае диссертант какой-либо значительной онтологической связи, на которой всегда базируется как природа, так и соответственно человек и общество? Где находится та грань, за которой идеал Просвещения в виде «разумного индивида» растворяется в биополитической категории среднестатистического населения некоего условного социально-политического государственного или уже межгосударственного образования.
8. Из текста диссертации также не совсем понятна установка автора относительно того, чем же все-таки является биополитика: неким целостным, глобальным явлением, всегда проявляющимся независимо от контекста, или же она, скорее, имеет локальную (географическую, историческую или же институциональную) привязку? Например, биополитика бывает: античной, средневековой, нововременной и т.д.; американской, российской, китайской и т.д.; а также школьной, полицейской, медицинской, тюремной, больничной, рыночной и т.д.

В то же время, высказанные нами замечания направлены лишь на углубление предмета исследования и нисколько не умаляют высокого научно-методологического уровня рецензируемой работы.

Основные положения и выводы диссертационного исследования представлены в 1 монографии и 50 публикациях автора, из которых, опубликованных в ведущих российских научных периодических изданиях, включенных в Перечень ВАК РФ для публикации результатов научных исследований – 34, а также в 16 публикациях в иных научных изданиях. Автореферат соответствует содержанию диссертации и последовательно отражает проведенные Поповым Д. В. основные этапы научного исследования.

Таким образом, можно утверждать, что диссертационное исследование Попова Дмитрия Владимировича «Управление жизнью: философско-антропологические основания, потенциал и перспективы биополитики» обладает внутренним единством, является самостоятельным, выполненным на высоком профессиональном, научном и философском уровне. В работе решена важная научная проблема, связанная с выявлением и философско-антропологическим анализом комплекса биополитических проблем коммуникации власти и населения, имеющая важное политическое, социально-экономическое, культурное и хозяйственное значение. Диссертация Попова Дмитрия Владимировича полностью соответствует требованиям п. 8, 20, 33, 36, 69, 75, 81 паспорта специальности 5.7.8. – философская антропология, философия культуры; отвечает всем требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям в пп.9-11, 13-14 «Положения о присуждении учёных степеней», утвержденным постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г., №842, а его автор Попов Дмитрий Владимирович заслуживает присуждения ученой степени доктора философских наук по научной специальности 5.7.8 – Философская антропология, философия культуры.

Официальный оппонент:
доктор философских наук.
(Научная специальность:
09.00.11 – «Социальная философия»),
Профессор, профессор кафедры
философии, культурологии и социологии
ФГБОУ ВО «Новгородский
государственный университет
имени Ярослава Мудрого» (НовГУ).

А. Г. Некита

Адрес: 173014, Великий Новгород,
Антоново, Гуманитарный институт
Новгородского государственного
университета имени Ярослава Мудрого,
кафедра философии, культурологии и
социологии, ауд. 320.
Телефон: (8-8162)974250, доб.1580.
E-mail: beresten@mail.ru
31.03.2023 г.